Слово редактора-составителя

Мария А. Ерофеева
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия

После АСТ: путевые заметки

doi: 10.22394/2074-0492-2019-2-8-17

Влиятельные теории подобны слухам: они распространяются со скоростью света, но содержащиеся в них идеи искажаются, разрываются на цитаты, выхолащиваются до банальных, (уже) ничего не значащих фраз. «— Слышали ли вы об акторно-сетевой теории? — Конечно! Эта та, в которой действуют вещи!». Те, кто с АСТ знаком только понаслышке, могут выражать свое отношение противоположными способами. Они могут полностью ее игнорировать, а при упоминании только смущенно смеяться. Или они могут отдавать дань моде, щедро приправляя свои тексты не до конца переваренными интуициями АСТ. Второй способ реакции привел к появлению «нулевого поворота к материальному» [Вахштайн 2015] и способствовал дальнейшей девальвации основных понятий АСТ.

Те, кто все же читают Латура и других представителей АСТ, экспериментируют, пытаются применить теорию к любому явлению, к любой области мира, что тоже не способствует интеллектуальной неприкосновенности первоначального проекта. Здесь более подходящей становится метафора теории как взрыва: она распространяет свое влияние на дальние расстояния, но чем дальше, тем слабее связь с тем, что происходило в ее эпицентре. Объяснение этому феномену «взрывной волны» дает Клиффорд Гирц со ссылкой на Сьюзен Лангер [2004: 9].

Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международного центра современной социологической теории МВШСЭН, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС. Научные интересы: акторно-сетевая теория; социология технологий; микросоциология; мультимодальный анализ. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

Maria A. Erofeeva — PhD in sociology; Senior research fellow, International Center for Contemporary Social Theory (MSSES); Research fellow, Center for Sociological Research (RANEPA). Research interests: actor-network theory; sociology of technology; microsociology; multimodality. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

Я благодарна Валерию Шевченко за помощь в составлении номера.

> Их [некоторые идеи] сразу подхватывают, видя в них ключ к новой, перспективной науке, концептуальный центр, вокруг которого можно построить всеобъемлющую систему анализа. Неожиданная привлекательность такой *grand idée*, вытесняющей на время все другие идеи, обусловливается, пишет Лангер, тем фактом, что «активно работающие и восприимчивые к новому умы сразу же пускают ее в эксплуатацию. Они пытаются использовать ее в любой связи, для любой цели, экспериментируют с возможными расширениями ее строгого значения, с ее абстракциями и видоизменениями.

Так или иначе, теория не может сохраниться в первозданном виде, если она продуктивна. Несмотря на предполагаемое медленное движение, муравей[1] смог заползти далеко: отголоски АСТ сегодня можно услышать в современной философии (объектно-ориентированные онтологии [Harman 2007, 2009], спекулятивный реализм [Bryant, Srnicek, Harman 2011]), антропологии (онтологический поворот, осмысление не-человеческого) [Дескола 2012; де Кастру 2017], исследованиях организаций (изучение социоматериальности) [Cooren 2010], археологии [Martin 2005], урбанистике [Farías, Bender 2010].

Мы не отправимся в такое далекое путешествие. Вместо этого мы последуем за акторно-сетевыми теоретиками туда, куда их завела логика развития теории. Точнее сказать, теорий, потому что АСТ никогда не была однородным теоретическим направлением. Некоторые исследователи даже предпочитают говорить о «множественной АСТ» (по аналогии с множественным телом А. Мол [2018]) [Gad, Jensen 2010; Kanger 2017] из-за серьезных расхождений между различными версиями этой теории, в том числе внутри корпуса текстов одного автора. Эта множественность во многом обусловлена характером теории, которую предложила АСТ. Прежде чем двинуться в путь, мы попробуем понять, как АСТ оказалась на распутье.

Когда акторно-сетевая теория приобрела популярность, ее создатели выразили желание ее похоронить (точнее, ритуально сжечь, чтоб из пепла возродилось что-то более жизнеспособное) [Law, Hassard, 1999]. Причиной этого движения пост-АСТ[2] послужило то, что обретшая очертания теория не соответствовала тому способу существования, который был ей уготован создателями. АСТ не была

1 Английская аббревиатура ANT может быть прочитана как слово ant — муравей. Эта ассоциация позволила Латуру [2014: 172] использовать метафору «ползологии», чтобы показать, что исследование должно продвигаться медленно.

2 Понятие «пост-АСТ» введено К. Гадом и К.Б. Йенсеном [Gad, Jensen 2010] для описания дискуссий внутри АСТ по поводу ее теоретико-методологических оснований. Оно отсылает к названию процитированного выше сборника «Акторно-сетевая теория и после» [Law, Hassard 1999].

задумана как теория, объясняющая социальные явления [Латур 2012]. Она даже не всегда претендовала на описание социального мира, ее декларируемой целью был пересмотр условий возможности социологической работы: «АСТ сама по себе не больше теория действия, чем картография … Она лишь предлагает наблюдателю набросок того, что необходимо допустить, чтобы зафиксировать береговые линии … Она даже меньше, чем дескриптивный словарь; она просто открывает, вопреки всем априорным редукциям, возможность описания ирредукций» [Латур 2017: 185].

В результате такого самоопределения АСТ часто представлялась в качестве негативной аргументации того, как не следует делать социальную теорию. Несмотря на безобидный характер «путеводителя» по социальному миру [Латур 2014], предлагаемые новые условия для теоретизирования и проведения исследований потребовали пересмотреть базовые основания социальных наук. Наиболее значительными нововведениями стали реляционная онтология, модель распределенной агентности и идея действующих вещей[1]. Социальное было переопределено как тип связи между разнородными сущностями, действие стало рассматриваться как распределенное в сети отношений, а материальные объекты получили статус субъектов действия. Такие радикальные изменения требовали тщательно проработанной теоретической программы. Программа АСТ скорее намечала общий вектор развития социальной теории, нежели давала конкретные ответы на частные вопросы. Возникающие концептуальные и методологические сложности решались *ad hoc*, что открыло множество путей для развития АСТ.

Еще одной особенностью акторно-сетевой теории было то, что она не стремилась к стабилизации — разработке консистентного теоретического языка. Беспорядочный и постоянно изменяющийся мир требует соответствующей методологии [Ло 2015], поэтому АСТ постоянно трансформировалась самими ее основателями. Разрабатываемые решения возникающих проблем не всегда были согласованы с изначальными формулировками. Наиболее ярким примером ревизии собственного концептуального аппарата была критика понятия сети как унифицирующей структуры всех акторно-сетевых описаний. В ответ на эту критику А. Мол и Дж. Ло разрабатывают понятие потока (fluid) — системы отношений, которая существует благодаря изменениям [Ло 2006].

Учитывая характер акторно-сетевой теории, можно утверждать, что она рефлексивна — может быть описана посредством собственных различений. Теоретическая стратегия АСТ не только являет-

1 Подробнее см. [Ерофеева 2017].

ся множественной, но и текучей [Neyland 2006]: она гибкая, неоднозначная и требует постоянных изменений. В этом смысле АСТ с момента возникновения двигалась одновременно по множеству путей: «В ответ на вопрос … “что должно прийти после АСТ?” мы можем теперь сказать, что АСТ “вышла за свои пределы” с самого начала, поскольку новые исследования неизбежно переводили[1] оригинальные формулировки и стремления» [Gad, Jensen 2010: 77-78]. Основатели подхода сами не заботились о том, чтобы сохранить его в первозданном виде, что объясняет быстрое и масштабное распространение теории.

Итак, перед нами множество путей. Чтобы понять, какой дорогой идти [Тевено 2000], мы обозначим траектории акторно-сетевой теории и концептуальные проблемы, которые послужили им истоком. Для начала мы последуем за основателями АСТ, Б. Латуром, Дж. Ло и А. Мол, чтобы привести в движение устойчивый образ теории, сложившийся во многом из-за динамики переводов их работ в России[2].

Первая траектория связана с так называемой Ланкастерской школой, представленной Ло, Мол и другими исследователями [Вахштайн 2005]. В конце 1990-х годов АСТ переживала кризис, связанный с критикой понятия сети: большинство исследований были посвящены формированию прочных и протяженных сетей, установлению асимметрий, что смещало внимание на сильных акторов вроде Пастера. Латур долгое время игнорировал эту критику, а вот его коллеги Ло и Мол сразу стали искать способы выйти за тесные рамки сетей, что выразилось в масштабном обновлении концептуального аппарата. Словарь этой версии АСТ пополнился такими понятиями, как множественность (multiplicity), фрактальность (fractality), задействование (enactment), поток (fluid) и другими.

Сергей Астахов возвращается к самым истокам возникновения Ланкастерской школы и демонстрирует, что ее особый концептуальный стиль связан именно с попытками Ло и Мол решить проблемы, с которыми они столкнулись во время кризиса 1990-х. Валерий Шевченко делает следующий шаг и на основании анализа корпуса текстов Ло показывает, что в ответ на критику он разрабатывает две конфликтующие модели инаковости — социальную топологию и метафизику присутствия, которые следует рассматривать по отдельности как теорию объекта и теорию метода.

1 Авторы намекают на одно из центральных понятий ранней АСТ — перевод. См. [Каллон 2015].

2 Большая часть переведенных текстов относится к раннему периоду развития АСТ, поэтому более поздние разработки в меньшей степени известны российскому читателю.

Вторая траектория представляет попытку Латура преодолеть метаязык сетей через разработку концепции модусов существования, наиболее полно представленную в книге 2013 года [Latour 2013]. Решающим аргументом против концепта сети для Латура стала не его неспособность видеть Иное, а его свойство унифицировать все описания[1]. Сети науки, политики и религии выглядят одинаково, хотя сами акторы могут легко провести различие между ними. Для решения этой проблемы Латур вводит понятие модуса существования — относительно замкнутой траектории циркуляции несводимых сущностей, которая в представлении людей Нового времени приобретает форму института политики, религии, науки, права и т.д.

Эта линия развития АСТ практически не представлена в русскоязычных публикациях, статьи второго блока заполняют эту лакуну. Работы Алексея Воронкова и Наталии Волковой созвучны друг другу в обсуждении статуса AIME как «эмпирической метафизики», основанной на обращении Латура к прагматизму Уильяма Джеймса. Алексей Воронков обосновывает роль радикального эмпиризма Джеймса в позднем проекте Латура необходимостью описать феномены, которые принято связывать с регионом Культуры и выражением субъективности, что было невозможно в рамках классической АСТ. Наталия Волкова показывает, что проект AIME в большей степени является метафизическим, чем эмпирическим, и предпринимает оригинальную попытку вернуть в него эмпирическое измерение с помощью теории аффордансов[2]. Статья Тимофея Демина посвящена конкретному модусу существования — знанию (референции). Автор аргументирует, что теория знания Латура могла бы стать продуктивным ресурсом для современной аналитической философии, однако этому мешает ее неотделимость от метафизики AIME.

Третья траектория уводит нас от развития АСТ ее основателями к более отдаленному влиянию на философию и антропологию. Движущей силой этого направления является работа с понятием сборки (ассамбляжа). Этот концепт, хоть и является важным для АСТ, потому что позволяет указать на гетерогенную природу действия

1 При этом AIME (английская аббревиатура для проекта исследования модусов существования) не отменяет достижений АСТ, а включает ее в свою конституцию в качестве одного из модусов.

2 Необходимо отметить, что представленная в данной статье модель связи теории аффордансов и АСТ не является единственной. Теория аффордансов активно используется в современной медиа-социологии и исследованиях организаций для концептуализации агентности вещей, что делает ее созвучной АСТ. См., например, [Caronia, Cooren 2014; Davis, Chouinard 2016; Erofeeva 2019; Jarzabkowski, Pinch 2013].

и перформативную природу мира (что ярко отражено в понятии «метода-сборки» у Ло), не является для нее центральным. Как показывает Игорь Красавин, это связано с тем, что АСТ, будучи эмпирическим проектом, работает с конкретными отношениями объектов и потому не нуждается в разработке онтологии сборки. Эта задача становится актуальной для философии Мануэля Деланда, которая находится в центре внимания автора.

Влияние АСТ на антропологию связано с так называемым онтологическим поворотом — переходом от антропоцентричного представления о социальном мире к признанию самостоятельности множества миров, в том числе нечеловеческих (представленных предметами, животными, духами и т.п.). Понятие сборки подчеркивает гибридную природу социальности, возникающей в результате взаимодействия людей с вещами, и позволяет реконцептуализировать материальную культуру. В этом контексте Сергей Соколовский задается нетривиальным вопросом: когда можно говорить о смерти ассамбляжа, а не отдельных его элементов? Отвечая на этот вопрос, автор обращается к АСТ как одному из ресурсов для концептуализации смерти и демонстрирует ее множественность.

Отдельно стоит сказать про представленные в выпуске переводы, поскольку они намечают еще две траектории развития АСТ. Авторы статьи «Прагматическая социология: инструкция по применению» объединяют АСТ и проекты Люка Болтански и Лорана Тевено в единое социологическое направление. Для аргументации своей позиции авторы перечисляют десять пунктов, в которых рассматриваемые подходы сходятся и служат обоснованием особого прагматического стиля. Данный текст открывает для российского читателя новую перспективу взгляда на АСТ и траекторию ее развития во французской социологии[1].

Работа Латура «Габриель Тард и конец социального» — одна из первых в серии статей [Latour 2010; Latour et al. 2012], где не только обосновывается значение Тарда для развития АСТ, но и разрабатывается методология анализа цифровых данных на основе понятия монады. Развиваемые в этих работах идеи переворачивают традиционное соотношение теории и эмпирики: теоретические конструкты, такие как понятия макро- и микроуровня, являются следствием того, что в распоряжении исследователей не было достаточного количества данных, чтобы показать их вложенность друг в друга. Эти идеи заложили основу для методологии «картографии разногласий» [Венturини 2018] и повлияли на развитие цифровых методов [Marres 2016].

1 Хотя она не является абсолютно новой, так как ранее была представлена в работе Ольги Ковеневой [2008].

Завершают номер рецензии Максима Котельникова на «Политики природы» Латура и Дениса Шалагинова и Эдварда Сержана на «Гриб на краю света» Анны Цзин.

Книга антрополога Анны Цзин представляет собой этнографическое описание «путешествия» японского гриба мацутакэ по производственной цепи современного капитализма. Ее лейтмотивом является сосуществование людей и не-человеков в эпоху разрушительного влияния человека на природу. Денис Шалагинов и Эдвард Сержан показывают, как концепты ассамбляжа и перевода трансформируются в письме Цзин, а также намечают контуры «грибного мышления».

Недавно переведенная книга Латура, вышедшая на французском в 1999 г., — один из первых явных шагов автора в сторону политической эпистемологии, которая логично вытекает из АСТ. Социологи, как и любые другие ученые, участвуют в умножении числа действующих в мире сил, поэтому их деятельность является политически значимой. Максим Котельников в рецензии задается вопросом, насколько демократичен сам Латур, когда он «прививает наукам демократию».

Теперь, когда план нашего путешествия намечен, остается только напомнить совет Латура: «взять с собой как можно меньше вещей, не забыть купить билет и быть готовым к проволочкам» [Латур 2014: 41].

Библиография / References

Вахштайн В.С. (2005) Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*, 4 (1): 94-115.

— Vakhshtayn V.S. (2005) The return of materiality: «spaces», «networks» and «fluids» in actor-network theory. *Russian Sociological Review*, 4 (1): 94-115. — in Russ.

Вахштайн В.С. (2015) Три «поворота к материальному». *Антропологический форум*, (24): 22–37.

— Vakhshtayn V.S. (2015) Three "material turns". *Forum for Anthropology and Culture*, (24): 22–37. — in Russ.

Вентурини Т. (2018) Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории. *Логос*, 28 (5): 53-84.

— Venturini T. (2018) Diving in magma: How to explore controversies with actor-network theory. *Logos*, 28 (5): 53-84. — in Russ.

Гирц К. (2004) *Интерпретация культур*, М.: РОССПЭН.

— Geertz C. (2004) *The Interpretation of Cultures*, Moscow: ROSSPEN. — in Russ.

Дескола Ф. (2012) *По ту сторону природы и культуры*, М.: Новое литературное обозрение.

— Descola Ph. (2012) *Beyond Nature and Culture*, M.: New Literary Review. — in Russ.

Ерофеева М.А. (2017) Проблематизация объекта в современной теоретической социологии. *Социологические исследования*, (7): 13-23.

— Erofeeva M.A. (2017) The problem of the object in contemporary social theory. *Sociological Studies*, (7): 13-23. — in Russ.

Каллон М. (2015) Некоторые элементы социологии перевода. Одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Брие. Социология власти, (1): 196–231.

— Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. *Sociology of Power*, (1): 196–231. — in Russ.

Кастру Э.В. де (2017). *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*, М.: Ad Marginem.

— Castro E.V. de (2017) *Cannibal Metaphysics*, M.: Ad Marginem. — in Russ.

Ковенева О.В. (2008). Французская прагматическая социология. От модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности». *Социологический журнал,* (1): 5–21.

— Koveneva O.V. (2008) French pragmatic sociology: from the model of "orders of worth" to the theory of "plurality of engagements". *Sociological Journal*, (1): 5–21. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, (8): 113-143.

— Latour B. (2012) The politics of explanation: an alternative. *Sociology of Power,* (8): 113-143. — in Russ.

Латур Б. (2014). *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*, М.: ИД ВШЭ.

— Latour B. (2014) Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory, M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. — in Russ.

Латур Б. (2017) Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями. *Логос*, 27 (1): 173-200.

— Latour B. (2017) On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications. *Logos*, 27 (1): 173-200. — in Russ.

Ло Дж. (2006): Объекты и пространства. Социологическое обозрение, 5 (1): 30–42.

— Law J. (2006) Objects and spaces. *Russian Sociological Review*, 5 (1): 30–42. — in Russ.

Ло Дж. (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Институт Гайдара.

— Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*, M.: Institut Gaidara. — in Russ.

Мол А. (2018) *Множественное тело. Онтология в медицинской практике*, Пермь: Гиле Пресс.

— Mol A. (2018) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice,* Perm: Hyle Press. — in Russ.

Тевено Л. (2000) Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3 (3): 84-111.

— Thévenot L. (2000) Which Road to Follow? The Moral Complexity of an "Equipped" Humanity. *The Journal of Sociology and Social Anthropology,* 3 (3): 84-111. — in Russ.

Bryant L., Srnicek N., Harman G (2011). *The speculative turn*, Prahran, Vic.: re.press.

Caronia L., Cooren F. (2014). Decentering Our Analytical Position: the Dialogicity of Things. *Discourse and Communication,* 8 (1): 41–61.

Cooren F. (2010) *Action and agency in dialogue: Passion, incarnation, and ventriloquism*, Amsterdam: John Benjamins.

Davis J.L., Chouinard J.B. (2016) Theorizing Affordances: from Request to Refuse. *Bulletin of Science, Technology & Society,* 36 (4): 241–48.

Erofeeva M. (2019) On multiple agencies: when do things matter? *Information, Communication & Society*, 22(5): 590-604.

Farías I., Bender T. (2010) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*, London; New York: Routledge.

Gad C, Jensen C.B. (2010) On the Consequences of Post-ANT. *Science, Technology & Human Values*, 35 (1): 55–80.

Harman G. (2007). The Importance of Bruno Latour for Philosophy. *Cultural Studies Review*, 13 (1): 31-49.

Harman G. (2009). *Prince of Networks. Bruno Latour and metaphysics*, Melbourne: re.press.

Jarzabkowski P., Pinch T. (2013) Sociomateriality Is "the New Black": Accomplishing Repurposing, Reinscripting and Repairing in Context. *Management (France),* 16 (5): 579–92.

Kanger L. (2017) Mapping "the ANT multiple": A comparative, critical and reflexive analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 47 (4): 435-462.

Latour B. (2010) Tarde's idea of quantification. M. Candea (ed.) *The Social After Gabriel Tarde: Debates and Assessments*, London: Routledge: 145-162.

Latour B. (2013). *An inquiry into modes of existence. An anthropology of the moderns*, Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press.

Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. (2012). "The whole is always smaller than its parts" — a digital test of Gabriel Tardes' monads. *The British Journal of Sociology*, 63(4), 590–615.

Law J., Hassard J. (1999): *Actor network theory and after*, Oxford: Blackwell.

Marres N. (2016) *Digital Sociology: The Re-Invention of Social Research*, Cambridge: Polity Press.

Martin A. (2005) Agents in Inter-Action: Bruno Latour and Agency. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 12 (4): 283-311.

Neyland D. (2006) Dismissed Content and Discontent: An Analysis of the Strategic Aspects of Actor-Network Theory. *Science, Technology & Human Values*, 31 (1): 29-51.

Рекомендация для цитирования:

Ерофеева М.А. (2019) После АСТ: путевые заметки. *Социология власти*, 31 (2): 8-17.

For citations:

Erofeeva M.A. (2019). After ANT: a Roadmap. *Sociology of Power*, 31 (2): 8-17.

Поступило в редакцию: 26.06.2019; принято в печать: 27.06.2019

Received: 26.06.2019; Accepted to publication: 27.06.2019